

РИТОР ИСОКАСИЙ:
ПОРТРЕТ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО УЧИТЕЛЯ И ПОЛИТИКА¹

В статье проводится реконструкция биографии позднеримского интеллектуала, учителя и политика Исокасия. Анализируется деятельность Исокасия на посту муниципального ратора Антиохии, его роль в местной и общеимперской политике; особое внимание уделяется его возможному участию в избрании епископа Домна. Рассматривается государственная карьера софиста и обстоятельство его опалы. Делается вывод, что вменявшееся в вину Исокасию «эллинство» было поводом, но не причиной для его отставки. Кроме того, на основании данных о его участии в религиозных обрядах освещается одна из малоизученных форм языческого богопочитания, практиковавшаяся в условиях запрета на отправление традиционных обрядов.

Ключевые слова: *поздняя античность, поздняя Римская империя, ранняя Византия, история Церкви, образование, язычество, образовательное пространство*

Ритор Исокасий был одним из самых заметных представителей восточноримской интеллектуальной элиты V в. Сведения о его деятельности встречаются в источниках V–VI вв.: с ним вел переписку епископ Феодорит Кирский²; о нем упоминалось в сирийских актах II Эфесского собора³, история его чудесного исцеления была включена в составленный в середине V в. сборник чудес Св. Феклы⁴; наконец, в VI в. антиохийский летописец Иоанн Малала передал рассказ о конце его карьеры в своей «Хронографии»⁵. При этом вниманием исследователей Исокасий избалован не был – литература о нем ограничивается лаконичными заметками в PLRE II, PGRSRE и просопографическом приложении к труду Р.А. Кастера⁶. Настоящая статья призвана заполнить эту историографическую лакуну и осветить жизнь учителя красноречия и царедворца в интеллектуальном и религиозно-политическом контексте его эпохи.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-78-10001 «Образовательное пространство и антропопрактики античного и современного города».

² О письмах Феодорита, см. Глубоковский 1890: II 473–490; Schor 2015; Wagner 1948.

³ См. Глубоковский 1890: I 161, прим. 8; Millar 2011.

⁴ Исходя из свидетельства патриарха Фотия (Phot. Bibl. 168), авторство сборника традиционно приписывалось участнику христологических споров середины V века Василию Селевкийскому (напр. PG. 85. Col. 462). Эта идентификация неверна. Один из сюжетов сборника посвящен конфликту автора с упомянутым Василием, который на время отлучил агиографа от служения (МТ. 12). Поскольку Василий никак не мог отлучить сам себя, создателем «Miracula» он не являлся. Подробнее см. Dagron 1978: 13–19; Johnson 2006.

⁵ К рассказу Малалы о счастливом избавлении Исокасия многократно обращались византийские хронисты последующих столетий: VII в.: Chron. Pasch. 476; Iohn. Nik. LXXXVIII.7–11; IX в.: Theoph. Chron. 5960; Leo Gramm. 115.5–12; X в.: Sym. Met. 99.10; XI в.: Cedr. Chron. I.612.21 – 613.7 (ed. Bekker); XII в.: Const. Mann. Brev. 2865 – 92 (ed. Bekker); Zon. XIV.1.19–11. Через славянский перевод «Хронографии» этот анекдот попал и в древнерусские летописи (Истрин 1994: 316).

⁶ Martindale 1980: 633–634 (Isocasius); Laniado 1995: 123; Janiszewski, Stebnicka, Szabat 2014: 184–185; Kaster 1988: 301–302. В ряде трудов Исокасий упомянут мимоходом.

Родиной Исокасия были Эги Киликийские (Malal. XIV.38) – город, стоявший на пути из Анатолии в Сирию (Theodos. Sit. terr. sanct. 86 (ed. J. Gildemeister)), здесь находилась якорная стоянка, обслуживавшая суда, проплывавшие южным побережьем Малой Азии (Strab. XIV.5.18). Удобное расположение сделало Эги важным экономическим центром, на ежегодную сорокадневную ярмарку сюда приезжали купцы со всей империи (Theodos. Op. cit. 85; Theod. Ep. 70). Главной достопримечательностью Эг был знаменитый оракул Асклепия⁷, одно из самых почитаемых святилищ покровителя врачевания⁸. Культурный центр пережил расцвет в III в.⁹ и, несмотря на попытки первых христианских императоров закрыть «капище»¹⁰, продолжал привлекать паломников в течение всего IV в.¹¹ Зависимость местных элит и торгово-ремесленного населения от функционирования святилища¹² способствовала длительному сохранению язычества среди жителей Эг, продолжавших почитать своего бога-покровителя¹³ и после запрета на отправление древнего культа¹⁴. К числу религиозных консерваторов принадлежала и семья Исокасия. Данные о социальном статусе его родителей не сохранились, но судя по тому, что им хватило средств дать сыну достойное образование, семья была, по меньшей мере, зажиточной, не ниже куриального звания¹⁵. О времени рождения Исокасия можно судить лишь по косвенным данным – вероятно, ок. 400 г.¹⁶

⁷ В. Либшутц полагал, что именно популярность местного культа способствовала появлению в городе ярмарки (Liebeschuetz 1972: 77, n. 1).

⁸ См. Ser. Sammon, Lib. Medic. proem. l. 5; Jul. C. Gal. 200b.

⁹ Можно предположить, что упрочению популярности святилища способствовало издание Флавием Филостратом «Жизни Аполлония Тианского», в котором Эги назывались местом, где прошла юность полубогочудотворца (Philost. V. Apoll. I.7–12).

¹⁰ Судя по данным христианских авторов храм был полностью или частично уничтожен при Константине I (Euseb. V. Const. III.56; Soz. II.5). Впрочем, Либианый возлагал ответственность за разрушение святилища на Констанция II (Lib. Or. XXX.38–39). В пользу этой версии свидетельствуют найденная в Эпидавре надпись (355 г.), в которой упоминается жрец эгинского храма Асклепия Мнасей (IG IV² 438). Культурный комплекс Асклепия был восстановлен императором Юлианом (Lib. Ep. B147 (F695); Zon. XIII.12), а к концу IV в., снова разрушен. О святилище Асклепия в Эгах, см.: Robert 1973; Cameron, Hall 1999: 303–304; Csepregi 2015: 53–54; Renberg 2016: 209, n. 226.

¹¹ Согласно данным Либиания в IV в. оракул регулярно посещался представителями восточноримской знати. См. подробнее Renberg 2016: 695–706.

¹² Ср. Ведешкин 2018а: 172–173; 218.

¹³ О тайном почитании Асклепия в V в., см. Theod. Graec. Affect. Cur. VIII.20–23.

¹⁴ Об антиязыческом законодательстве IV – V вв. см. Ведешкин 2016.

¹⁵ К примеру, отец Августина – куриал средней руки из Тагасты Паприкий был вынужден откладывать деньги, чтобы отправить сына учиться в сравнительно близкий Карфаген (Aug. Conf. II.3.5). При этом, скопленных им средств, судя по всему, не хватило – отправиться в столицу Африки Августину помог его богатый сосед (Aug. C. Acad. II.2). О высокой стоимости образования упоминал и Иоанн Златоуст. См. Iohan. Chrys. De Sacer. I.5.

¹⁶ В своем послании к киликийцу Феодорит упоминал, что софист сослужил с «блистательнейшим Еврикианом» (παρά τοῦ λαμπροτάτου Εὐρικιανοῦ) (Theod. Ep. 214(XXXIV)). Из другого письма епископа известно, что «светлейший трибун Еврикиан» (clarissimus tribunus Euricianus) находился в Сирии в 433 – 436 гг. (Theod. Ep. 253) (он пытался прими-

Малала называл Исокасия «очень ученым человеком» (σφόδρα λουκός – *loc. cit.*), о чем свидетельствует и его карьера – должность муниципального ритора Антиохии, тем более пост квестора священного дворца мог заполучить лишь человек рафинированной культуры. Видимо, Исокасий прошел стандартный куррикулум позднеантичного аристократа¹⁷. Обучение мальчика из благородной семьи начиналось с занятий с педагогом или посещения буквенной школы. После этого приходила пора лекций грамматика, который учил чтению, письму и нормам правильного «аттического» произношения, отличавшего человека пайдеи от черни. Тогда же сыновья местной элиты приобретали первые навыки составления и произнесения речей. В 12–13 лет они приступали к занятиям в риторической школе родного города или одного из крупных образовательных центров империи. Одаренный юноша из Эг, расположенных в нескольких днях пути от Антиохии¹⁸, скорее всего, отправился изучать риторику в столицу Востока, где «давно укоренилось и достигло процветания дело красноречия» (*Lib. Or. XI.192*)¹⁹.

Дальнейшая карьера Исокасия дает дополнительные аргументы в пользу того, что его студенческие годы прошли на берегах Оронта. Как уже отмечалось, впоследствии Исокасий занял пост городского ритора Антиохии. Кандидатов на эту должность утверждала курия²⁰. Маловероятно, что антиохийская знать могла одобрить выдвижение никому неизвестного чужестранца. По-видимому, среди друзей Исокасия были влиятельные представители местной аристократии, которые поддержали его кандидатуру. Эти знакомства могли завязаться в период

речь архиепископа Иоанна Антиохийского с сирийскими клириками, недовольными принятием Согласительного исповедания 433 г.). Характер исполняемого поручения, звание и титул Еврикиана свидетельствуют о том, что он был членом коллегии императорских секретарей-нотариев. К концу IV в. коллегия разрослась до нескольких сотен человек, большая часть из них воспринимала свою должность как sineкуру и не появлялась в стенах дворца. О *notarii sacri palatii*, см. Jones 1986: 572–575. Впрочем, Еврикиан наверняка не относился к числу *tribunes vacantes*, в противном случае ему едва ли доверили столь важное поручение. Следовательно, он почти постоянно находился при дворе и не имел возможности надолго задерживаться в Сирии. Таким образом, общение чиновника с Исокасием пришлось на время, когда трибун занимался делами Антиохийской церкви. Сношения клиикийца с нотарием, как и содержащаяся в письме Феодорита форма обращения к учителю красноречия («твое величие») (τὸ μέγεθος τὸ σόν. – *Theod. Ep. 214(XXIV)*) свидетельствуют, что к этому моменту Исокасий был важной фигурой и, по-видимому, уже занимал пост муниципального ритора Антиохии. Столь важную кафедру никак не мог получить начинающий преподаватель, к тому же без местного *otio*. Следовательно, в начале 30-х гг. Исокасий уже был зрелым, профессионально состоявшимся педагогом, что и дает приблизительную дату его рождения ок. 400 г.

¹⁷ О классической образовательной системе в Поздней Античности, см. Watts, 2012: 468–471. Ссылки на литературу и источники, см. там же.

¹⁸ Согласно итинерарию Феодосия Эги находились в 120 милях от Антиохии (*Theodos. Sit. terr. sanct. 86* (ed. J. Gildemeister)). *Cp. Lib. Ep. F1483.4.*

¹⁹ Об обучении детей клиикийской знати в Антиохии. *Cm. Lib. Or. 62.27; Petit 1957: 114. O* поездках позднеантичных школяров в крупные образовательные центры, см. Watts 2004.

²⁰ *Cp. Lib. Or. I.35; CTh. XIII.3.5.* Вмешательство друзей Либания в антиохийской курии помогло софисту занять пост городского ритора в 354 г. *Cm. Bradbury 2003: 7.*

ученичества. С точки зрения носителей позднеантичной образовательной традиции, юноши должны были обрести в школе новый дом, в наставнике второго отца²¹, а в соучениках новых братьев. Зачастую между «братьями» завязывались крепкие связи, сохранявшиеся на всю жизнь²². Если гипотеза об обучении Исокасия в Антиохии верна, то ко времени его вступления в борьбу за пост главного ритора многие из его школьных товарищей-антиохийцев уже должны были войти в состав курии и имели возможность помочь другу получить желанную должность.

Малала именовал киликийца «философом» (loc. cit.) из чего можно сделать вывод, что после завершения курса риторики тот некоторое время изучал философию. Основываясь на свидетельстве хрониста, некоторые исследователи заявляли (впрочем, без какой-либо внятной аргументации), что впоследствии открытая Исокасием школа специализировалась на преподавании «любомудрия»²³. Однако современные Исокасию авторы Феодорит Кирский и составитель «*Miracula*», неоднократно называвшие Исокасия учителем красноречия, ни разу не упоминали о том, что ритор интересовался вопросами философии или преподавал соответствующий курс. Вероятно, сообщение Малалы не следует воспринимать буквально – в «Хронографии» термин «φιλόσοφος» применялся не только по отношению к «профессиональным» философам, но и для характеристики вообще любого мудрого человека²⁴.

Окончив обучение, Исокасий посвятил себя преподаванию. Согласно автору сборника чудес первомученицы Феклы, он вернулся в Эги и открыл грамматическую школу, а затем перешел на новую ступень учительской карьеры и начал преподавать риторику (MT. 39)²⁵. К этому этапу его педагогической карьеры относится анекдот, переданный составителем «*Miracula*». По сообщению агиографа, страдая от болезни, Исокасий решил заночевать в расположенной неподалеку от Эг христианской церкви. Во сне к ритору, якобы явилась мученица и подсказала лекарство от его недуга. Комментируя чудесное исцеление, автор с недоумением отмечал, что, несмотря на помощь святой девы, киликиец остался язычником (MT 39)²⁶. Маловероятно, что история визита идо-

²¹ В своих посланиях к язычнице Гипатии епископ Синезий обращался к ней: «мать, сестра и наставница» (Syn. Ep. 134(16)); Либаний называл учеников своими «детьми» (см. напр. Lib. Or. 62.27; Ep. N170); философ Плутарх Афинский именовал Прокла своим «ребенком», хотя между ними не было кровного родства (Marin. V. Procl. 12), а сам Прокл впоследствии величал своего учителя Сириана «своим родителем», а наставника Сириана Плутарха – «своим дедом» (Marin. V. Procl. 29). Cp. Procl. In Parm. 1058.22. См. подробнее: Cribiore 2007: 140–141; Kaster 1988: 67–69; Petit 1957: 35–36; Watts 2012: 472.

²² См. например Bradbury 2014: 223–224.

²³ Siniosoglou 2008: 41. Cp. Laniado 1995: 123.

²⁴ Jeffrey 2017: 65. Cp. Kaster 1988: 295.

²⁵ Такие «повышения» не были редкостью. – Kaster 1988: 246; 247; 315). Автор «*Miracula*», очевидно осуждавший Исокасия за его неверие, язвительно замечал, что, прекратив быть грамматиком, тот так и не стал настоящим софистом: «Ὁ μὲν γὰρ Ἰσοκάσιος καὶ ἀπὸ γραμματικῆς σοφιστῆς γεγωνῶς, καὶ τὸ μὲν ἀπολέσας, τὸ δὲ οὐ κτησάμενος» – MT.39.

²⁶ Cp. Malal. loc. cit. (= Chron. Pasch. 467).

лопоклонника в христианский храм является плодом воображения автора сборника – он был современником Исокасия, жил в соседнем городе и уверял, что слышал об этом от достоверного информатора (*ibid.*).

Устроенный ритором сеанс сомнотерапии подозрительно напоминал языческий обряд инкубации, практиковавшийся в эгинском святилище Асклепия по крайней мере с I в.н.э.²⁷ По данным Зонары, в середине IV в. колонны, некогда подпиравшие своды эгинского асклепейона, были использованы христианами для украшения одной из городских церквей (Zon. XIII.12(63)). В том случае, если Зонара говорил о храме Феклы, посещение ритором церкви приобретает новый смысл. Язычники той эпохи полагали, что сила древних богов продолжала жить в руинах их поруганных святилищ²⁸. Если, ритор разделял эти убеждения, то он, по-видимому, верил в то, что целительная сила божественного лекаря сохранилась в выломанных из его храма колоннах. Таким образом, мы имеем все основания полагать, что Исокасий пришел в церковь не в поисках уединения, как считал автор «*Miracula*», а в надежде получить помощь бога. Суровые антиязыческие эдикты христианских августов конца IV – начала V в., поставившие вне закона все языческие ритуалы, не позволяли ему открыто огласить мотивы своего посещения христианского святилища. Приписывая свое спасение мученице, киликиец отводил от себя подозрения в отправлении запрещенного ритуала²⁹.

Ок. 430 г. Исокасий перебрался в Антиохию³⁰. Очевидно, карьера в столице Сирии представлялась ему более заманчивой, чем преподавание в провинциальных Эгах. Основной источник по антиохийскому периоду его жизни – письма Феодорита Кирского. Ритор был одним из постоянных корреспондентов епископа. Большая часть посланий – рекомендательные письма юношам, которых он пытался пристроить в школу учителя красноречия. Его эпистолярное наследие сохранило имена лишь двух молодых людей, которых он препоручил заботам киликийца (Феодот и Филипп) (Theod. Ep. 204(XXIV); 220(XL)), но, видимо, юношей, попавших в училище Исокасия стараниями епископа было существенно больше (Theod. Ep. 203(XXIII)). Феодорита, известного своими пламенными обличениями «эллинства»³¹, едва ли смущал тот факт, что реко-

²⁷ См. Philost. V. Apoll. I.7–12; о ритуальной инкубации в эгинском Асклепионе в IV в. см. Euseb. V. Const. III.56; Soz. II.5. Подробнее о ритуальной инкубации, см. Renberg 2016.

²⁸ Ср. Marc. Diac. V. Porph. 76; John. Ruf. V. Petr. Iber. 99(R72); Shenout. De Iudic. fol. XLI (ed. Behlmer tr. 247).

²⁹ Известны и другие примеры подобной религиозной мимикрии. Так, в VI в. идолопоклонники, жившие в Константинополе, приходили в храм Космы и Дамиана, где возносили мольбы божественным врачевателям Кастору и Поллуксу (MCD 9, ed. Deubner), культ которых, по сообщению Гесихия Милетского, существовал в древнем Византии. (Hesych. Patr. Const. 15(13)). Ср. Procop. BP. I.25.10; Iohan. Eph. HE. III.29.

³⁰ Джонс считал, что его школа располагалась в Константинополе, что противоречит данным Малалы о том, что софист был эгинцем, но жил в Антиохии (Jones, 2014: 86).

³¹ Перу Феодорита принадлежит последняя в своем роде классическая христианская апология «*Curatio affectionum Hellenarum*». – Глубоковский 1890: II 202–242; Liebeschuetz 2015: 389–407; Siniosoglou, 2008: 34–40; Ulrich, 2009: библиография: 113, n. 3.

мендуемый им преподаватель и сам был «эллином» – епископ не мог не знать, что многие выдающиеся христиане, в т.ч. и его собственный «духовный отец» Феодор Мопсуэстийский, были учениками язычников³². Как многие образованные христиане, Феодорит ставил профессиональные и личные качества учителя выше его вероисповедания. Свидетельством отношения епископа к ритору является высокая оценка, которую он дал Исокасию и его школе: «Воспитывающихся у вас юношей вы не только учите греческому языку и упражняете в аттическом красноречии, но достаиваете и всякой другой заботливости, имея попечение о красоте нравов и предуготовляя их к тому, чтобы они устремляли жизнь к добродетели. Сверх сего, вы сподобляете их и иной рачительности, удаляя их от того, что соблазняет к несправедливости, споспешествуя тому, что может приносить пользу, и – кратко сказать – исполняя отеческие заботы, ибо таковы свойства тех, которые у вас прививают такую рассудительную мудрость человеческим душам» (Theod. Ep. 220(XL)).

По мере того, как скамьи школы Исокасия заполнялись новыми учениками, ритор богател. О достатке Исокасия в этот период свидетельствовал Малала, именовавший киликийца антиохийским ктитором (κτίτωρ), т.е. крупным собственником (loc. cit.)³³. Судя по всему, софист жил на широкую ногу. Из сообщения его друга-епископа следует, что для украшения своей усадьбы он выписывал лучших краснодеревщиков Сирии (Theod. Ep. 214(XXXIV)). Педагогическая деятельность принесла Исокасию и политический капитал. Выпускники престижных риторических школ часто занимали высокие посты в имперской администрации³⁴. Связи, которые формировались между учениками и их наставником, обычно не прерывались и после окончания школы³⁵. Учителя старались устроить дела воспитанников, которые, в свою очередь, не отказывали в услугах своим школьным «отцам»³⁶. Как отмечала А.А. Чекалова: «представители свободных профессий, благодаря сложной сети дружеских связей окутали невидимыми нитями сложную бюрократическую машину ранней Византии и в известном смысле поставили ее под свой контроль»³⁷. По сути, влияние учителя на местные и общеимперские дела укреплялось по мере карьерного роста его выпускников.

О политическом весе Исокасия свидетельствует послание Феодорита, в котором он просит ритора походатайствовать за некоего Феокла, вовлеченного в судебную тяжбу в Константинополе. С точки зрения

³² О Феодоре Мопсуэстийском и других учениках Либания, ставших епископами, см. Urbano 2013: 51–53. Многие епископы отправляли христианскую молодежь в школы своих языческих наставников. См. напр. Bas. Ep. 326(335); 327(337); 328(339); Greg. Naz. Ep. 130; 203(238); Greg. Niss. Ep. 14.

³³ Ср. «насильник... и здатель» в славянском переводе Малалы (Истрин 1994: 316).

³⁴ См. напр. Lib. Or. LXII.54–66; Bradbury 2014: 229.

³⁵ Scribore, 2007: 104–107.

³⁶ О действиях предшественника Исокасия Либания по устройству карьеры своих воспитанников, см. Bradbury 2014: 230–231; Cabouret 2014: 153.

³⁷ Чекалова 2010: 142.

епископа, рекомендательного письма от Исокасия было достаточно для победы его протезе (Theod. Ep. 228 (XLVIII)). Феодорит сам имел связи с представителями высшего чиновничества, военной знати и даже членами императорской фамилии. Епископ неоднократно обращался к ним с разными просьбами и, по всей видимости, часто добивался желаемого³⁸. Тот факт, что для защиты интересов своего протезе он был вынужден обращаться за помощью к ритору, свидетельствует о связях Исокасия в администрации префекта Константинополя или при дворе.

О влиянии ритора на антиохийские дела свидетельствуют и акты II Эфесского собора. Среди обвинений, выдвинутых на этом судилище против возглавляемой Феодоритом «партии», сохранился донос на антиохийского епископа Домна. Ему вменяли в вину то, что свою кафедру он, якобы получил без каноничного рукоположения, едва ли не исключительно благодаря «язычнику Исокасию» (С. Eph. II Syr. 314 (ed. et trad. S.G.F. Perry)). Этот рассказ, конечно же, может быть наветом сторонников Диоскора Александрийского на их оппонентов по христологическому спору. Впрочем, участие идолопоклонника в выборах митрополита Сирии не столь абсурдно, как может показаться на первый взгляд.

В середине 30-х Антиохия смогла достичь хрупкого мира с Египтом и предотвратить полномасштабный раскол Сирийской Церкви³⁹ благодаря дипломатическим и богословским талантам друга Исокасия Феодорита. После смерти его соратника Иоанна I Антиохийского кафедра столицы Востока могла оказаться как в руках ненавистников Нестория, так и перейти под контроль непримиримых противников христологии Кирилла Александрийского. Таким образом, Феодорит был заинтересован в том, чтобы новым епископом антиохийским стал человек, который будет сохранять status quo. Им стал неискушенный в политических вопросах племянник Иоанна Домн⁴⁰, который, как, вероятно, надеялся кирский архиерей, будет прислушиваться к советам опытного соратника дяди. С учетом того, что от результатов выборов зависело положение Феодорита и достигнутый им церковно-политический компромисс, епископ вполне мог мобилизовать свои связи, чтобы обеспечить нужный ему результат выборов. По-видимому, Феодорит считал, что его друг сможет повлиять на настроения местной знати: в IV–V вв. в избрании архиереев участвовали не только клирики, но и члены городской курии⁴¹, многие из которых были однокашниками и учениками Исокасия. В 441 г. Домн был утвержден на антиохийской кафедре. Очевидно, представители городской аристократии выступили в поддержку человека, указанного их школьным «братом» и «отцом». В лице Домна Феодорит нашел послушного проводника своей религиозно-политической линии – архиепископ антиохийский удовольствовался ролью номинально-

³⁸ Wagner 1948: 127–129; Millar 2006: 146–148; Schor 2011: 173–174; Schor 2015: 161–162.

³⁹ См. Глубоковский 1890: I 107–157; Schor 2011: 91–109.

⁴⁰ О родстве Иоанна и Домна, см. Cyr. Scyth. V. Euthym. 26; 27; 32.

⁴¹ Jones 1986: 918; Norton 2007: 43; 44; 53.

го лидера Сирийской Церкви и во всем следовал указаниям старшего товарища⁴². После того как кафедру столицы Востока занял человек, вероятно, обязанный своим продвижением Исокасию, и без того немалое влияние ритор должно было стать еще заметнее⁴³.

Вместе с тем, вступив в церковно-политическую борьбу, язычник невольно связал свою судьбу с одной из «партий» восточноримского клира. В августе 449 г. на II Эфесском соборе богословские взгляды Феодорита были объявлены ересью, а многие из его сторонников, в т.ч. и Домн, оказались лишены кафедр. Можно предположить, что именно это событие вынудило Исокасия сменить паллий софиста на чиновничью тогу. Церковную власть в городе захватили опиравшиеся на фанатичное монашество ставленники Диоскора Александрийского⁴⁴. В этих обстоятельствах стороннику проигравшей партии, к тому же язычнику, оставаться в Антиохии было небезопасно. Очевидно, прибегнув к помощи одного из своих влиятельных друзей ритор заполучил официальную должность, тем самым выведя себя из-под удара. Язычество Исокасия едва ли могло помешать его государственной карьере. Несмотря на изданный в 416 г. закон, воспрещавший идолопоклонникам занимать военные и чиновничьи должности (CTh. XVI.10.21), «эллины» продолжали заполнять видные посты в армии и гражданской администрации Восточной империи на протяжении всего V и начала VI в.⁴⁵ По сути, указы, воспрещавшие язычникам отправлять государственные должности, имели декларативный характер и не применялись на практике.

На государственной службе образованность и опыт бывшего ритора были высоко оценены. Из замечания Малалы известно, что «он с честью исполнял многие начальственные должности» (ὄστις διήρυσεν ἀρχὰς πολλὰς μετὰ δόξης). При Льве I (457–474) он уже занимал один из важнейших придворных постов – *quaestor sacri palatii*⁴⁶. В число обязанностей квестора входила разработка новых законов, а также стилистиче-

⁴² Взаимоотношения главы Церкви Востока и скромного епископа провинциальных Кир рельефно обрисовал антиохийский пресвитер Кириак: «Домн отказался от всякого собственного мнения; ибо вследствие своей дружбы, к Феодориту, епископу города Кира, он любил жить с ним все время... неумеренными похвалами, поддерживал и укреплял его в нечестии. В церковных угодьях он даже выстроил для него дом и позволил ему жить там, как в своем городе. Он всегда называл его отцом, а в его отсутствие восхвалял его, как благословенного» (С. Eph. II Syr. (ed. et trad. S.G.F. Perry), 288–290).

⁴³ Можно согласиться с Либштутцем, отмечавшим, что Исокасий занял в антиохийском обществе то же положение, что и Либаний веком ранее Liebeschuetz 2015: 357.

⁴⁴ Одним из виднейших сирийских сподвижников Диоскора был аскет Барсаума, возглавлявший банду монахов, терроризировавших язычников, иудеев и «еретиков» Сирии и Палестины в первой половине V в. См. Gaddis 2005: 188–189; 246–247; 288; 298–299; Sivan 2008: 133; Stemberger 1999: 309–313; Ward 2008: 248–251.

⁴⁵ До 467 г.: Martindale 1980: 121 (Apollonius 3); 299 (Claudianus 3, см. Theod. Ep. 99); 371 (Domitius 1); 491 (Florus 1); 691–692 (Lucius 1–2); 798 (Olympiodorus 1) 1055 (Taurianus); 1186 (Uranus 2); 1188 (Ulpianus 2, см. Theod. Ep. 22); 1199–1200 (Zenon 6); dub.: 336–338 (Cyrus 7, см. Cameron 1982; Van Der Horst, 2012); в конце V в. – начале VI в. см. ниже.

⁴⁶ Из сообщения Малалы следует, что Исокасий занимал пост квестора в период префектуры Пусея, то есть в 465 – 467 гг. См. Martindale 1980: 930 (Pusaeus).

ское оформление императорских указов и ответов на поданные августу прошения (отсюда неофициальное название должности – «уста царя» (Anth. Palat. XVI.48)). Он также был членом императорской консистории и одним из двух председателей сенатского суда, разбиравшего дела высшего чиновничества⁴⁷. Далеко не всегда занимавшие этот пост сановники имели специальное юридическое образование и глубокое знание законодательства. Нередко квесторами становились известные риторы и литераторы, способные придать языку императорского указа изысканность и величавость⁴⁸. По-видимому, именно опыт составления текстов и красноречие позволили Исокасию занять эту высокую должность.

Падение Исокасия было еще более стремительным, чем карьерный взлет. По сообщению Малалы⁴⁹, в 467 г. квестор был обвинен в «эллинизме», смещен с должности, арестован и сослан в Халкидон, где его дело должен был разбирать суд наместника Вифинии (loc. cit.). В V в. известно несколько случаев отставки чиновников по обвинению в язычестве. Так, ок. 441 г. был лишен постов и сослан заподозренный в «эллинизме» префект Кир (Malal. XIV.16). При императоре Зеноне государственную службу был вынужден покинуть наместник одной из восточных провинций Севериан (Dam. V. Isid. 108) и казнен обвиненный в язычестве силенциарий и патрикий Пелагий (Zon. XIV.2). Но вплоть до второй четверти VI в. обвинения в язычестве никогда не были единственным поводом для опалы. Кир был отправлен в отставку вскоре после ссылки его покровительницы августы Евдокии⁵⁰, Севериан был замешан в заговоре сыновей магистра Аспара (Dam. V. Isid. 115A), Пелагий осмелился на слишком смелую критику августа (Cedr. Chron. I.621 (ed. Bekker)) и подзревался в стремлении занять престол (Malal. XV.16; Chron. Pasch. 490; Iohn. Nik. LXXXVIII.93; 94; Theoph. Chron. 5982–3). Иными словами, обвинения в идолопоклонстве обычно являлись «ширмой» для прикрытия истинных причин отставки впавшего в немилость чиновника.

Некоторые дополнительные обстоятельства ссылки Исокасия представлены в «Пасхальной хронике», которая, в целом повторяя рассказ Малалы, сообщает, что опала Исокасия была связана с вспыхнувшим в столице бунтом (Chron. Pasch. 467). Никаких подробностей этого возмущения летописец не сообщил, однако можно предположить, что причины этого мятежа крылись в недовольстве политикой Льва. В 460-е годы империя переживала острый социально-политический кризис, вызванный борьбой придворных группировок, репрессиями против провинциальной знати и многочисленными выступлениями низов, недо-

⁴⁷ Об этой должности, см. Harries 1988; Harries 2001: 42–47; Honoré 1998: 11–23.

⁴⁸ Например, знаменитые риторы и поэты Децим Магн Авзоний (Jones, Martindale, Morris 1971: 140–141 (Ausonius 7)) и Пампрепий (Martindale 1980: 825–828 (Pamprepius)).

⁴⁹ Точная дата приводится в «Пасхальной хронике» (Chron. Pasch. 467).

⁵⁰ О придворной интриге против Кира и его покровительницы Евдокии, см. Cameron 2015: 56–64; Constantelos 1971: 458–461; Holm 1982: 190–193. Оригинальное объяснение обстоятельств отставки Кира (но опять же вне всякой связи с его предполагаемым язычеством) см. в Александрова 2018: 164–171; 223–225.

вольных фискальной и религиозной политикой правительства⁵¹. Не исключено, что бунтовщики требовали отставки квестора, считая его виновником издания очередного непопулярного закона. В пользу этой гипотезы свидетельствует славянский перевод Малалы, сохранивший более раннюю редакцию «Хронографии», по данным которой квестор был «вбажень», то есть, оговорен⁵². Поскольку Исокасий не скрывал своего язычества, суть оговора никак не могла заключаться в приписывании ему «неправильного» вероисповедания. Очевидно, квестора обвиняли и в иных преступлениях, но поскольку никаких твердых доказательств его вины не было, обвиняющая сторона выпячивала его язычество, стремясь настроить против него преимущественно христианское население Константинополя. По-видимому, старому эллину была определена участь «козла отпущения», призванного ответить за грехи правящей верхушки.

От наказания Исокасия спасло вмешательство его единоверца Иакова, занимавшего пост старшего дворцового архиатра⁵³. Врач смог убедить императора Льва, что дело бывшего квестора, должен рассматривать не суд вифинийского наместника, а сенат Нового Рима. Благодаря заступничеству царского лекаря, Исокасию было позволено возвратиться в столицу и предстать перед еще недавно возглавляемой им коллегией. Судебное заседание проводилось в банях Зевксиппа. С обвиняемого сорвали одежды, ему связали руки, после чего обнаженный старик предстал перед префектом Пусеем, сенаторами и простыми горожанами, пришедшими поглазеть на унижение бывшего сановника. Последовавший разговор между судьей и подсудимым передал Малала: «“Видишь, Исокасий, во что ты себя вверг?” Исокасий ответил: “Вижу и не тревожусь. Я человек, я не избею превратностей человеческой судьбы. Но ты суди меня, как некогда судил со мною”» (‘ὄρας σαυτόν, Ἰσοκάσιε, ἐν ποίῳ στήματι καθέστηκας;’ ἀλοκρίθεις ὁ Ἰσοκάσιος εἶπεν· ‘ὄρω καὶ οὐ ξενίζομαι· ἄνθρωπος γὰρ ὢν ἀνθρωπίνας περιέπεσα συμφοραῖς. ἀλλὰ δίκη καθαρὰ δίκασον ἐπ’ ἐμοί, ὡς ἐδίκαζες σὺν ἐμοί’ – Malal. XIV.38).

Композиция короткой речи Исокасия демонстрирует, что язычник не забыл о годах, посвященных красноречию. Собравшуюся поглазеть на его унижение чернь он покори́л, выказав должное смирение. Более культурная часть присутствующих должна была заметить цитату из Менандра – одного из самых любимых писателей восточноримского общества⁵⁴. Обращаясь к бывшим товарищам по сенату, квестор заметил, что и они могут по прихоти судьбы оказаться на его месте. Наконец, призывая Пусея судить его, как судил он сам, Исокасий напоминал о своей долгой, очевидно, беспорочной службе и справедливом суде. Всего несколькими словами ритор сумел завоевать симпатии зрителей. Не дожи-

⁵¹ См. Козлов 1983: 32–33.

⁵² Истрин, 1994: 316.

⁵³ О Иакове, см. Martindale 1980: 582–583 (Iacobus 3). О влиянии лейб-медиков на политику позднеримских августов, см. Ведешкин 2018b: 304–305; Baldwin 1984.

⁵⁴ В переводе Теренция: «homo sum, humani nihil a me alienum puto». Ср. Ps. Dio. 13.4 (FHG IV. 198). См. Gleye 1896. Об отношении к Менандру в IV – VI вв., см. Bassett 2008.

даясь вынесения приговора, константинопольцы вырвали его из рук стражи и отвели в расположенную по соседству Великую Церковь, которая, как и прочие христианские храмы, имела статус убежища⁵⁵. Отбивая подсудимого, жители столицы кричали славословие августу (Malal. Loc. Cit.) – очевидно вступившиеся за язычника жители столицы пытались придать своим действиям видимость законности и представить освобождение бывшего квестора как проявление императорской милости⁵⁶. Он был спасен и укрыт под защитой церковных стен.

Вместе с тем его положение Исокасия было, по меньшей мере, шатким. Для того, чтобы добиться императорского прощения киликиец изъявил желание принять христианство. По-видимому, бывший квестор понимал, что крещение поможет ему укрепить мимолетные симпатии толпы, противиться которой август едва ли осмелится⁵⁷. Если подобные мысли действительно посещали Исокасия, его расчет оправдался. Не желая идти наперекор жителям столицы, Лев простил бывшего чиновника и позволил ему вернуться на родину (Malal. Loc. cit.). Запись о ссылке бывшего квестора является последним известием о киликийце.

Вскоре после окончания процесса Исокасия, император подтвердил запрет на занятие государственных должностей религиозными диссидентами (CJ. I.4.15.). Видимо, он стремился показать подданным свою решимость продолжить борьбу с просочившимися в государственный аппарат язычниками. Впрочем, о новом законе забыли едва ли не быстрее, чем об эдикте 416 г. Западный соправитель Льва I Анфимий, как и ближайшие преемники на константинопольском троне, продолжили сквозь пальцы смотреть на язычников при дворе и в администрации⁵⁸. Правительству вновь не хватило политической воли на принятие решительных мер по борьбе с идолопоклонниками.

⁵⁵ См. Ducoux 1994. Статус убежища, по-видимому, распространялся и на лиц, не принадлежавших к христианскому сообществу. Ср. с известием Сократа о том, что после поражения узурпатора Максима поддерживавший его язычник Симмах искал убежища в церкви (Soc. V.14) и с рассказом Августина, сообщавшего, что после казни узурпатора Евгения поддерживавшие его сенаторы-язычники укрылись в церкви (Aug. De Civ. V.26).

⁵⁶ Пожалуй, следует согласиться с тем, что публичность процесса сыграла на руку Исокасию, которому удалось создать себе образ «мученика». См.: Козлов 1983: 34.

⁵⁷ Комментируя крещение Исокасия П. Браун назвал его язычество «козырем», сбросив который тот смог относительно благополучно разрешить ситуацию (Brown 1992: 133). Некоторые исследователи утверждали, что Исокасий был крещен насильно (Kaster 1988: 302; MacMullen 1997: 23). Эта гипотеза не подтверждается источниками. Насколько известно римские власти не прибегали к насильственному обращению вплоть до эпохи Юстиниана I. Крещение было довольно распространенной стратегией попавших в беду язычников: о крещении сенаторов-язычников, замешанных в узурпации Евгения, см. Aug. De Civ. V.26; Prud. C. Symm. I. 544–547; Ведешкин 2018a: 145–146; обвиненного в пропаганде язычества ритор Гораполлона, см. Dam. V. Isid. 120; Kosinski 2010: 157–158, n. 67; преподавателя права Леонтия, см. Zach. V. Sev. 74; Dam. V. Isid. 40; Ведешкин 2019: 357.

⁵⁸ О язычниках при дворе Анфимия, см. Ведешкин 2019: 359; в администрации Восточной империи конца V – начале VI в., см. Martindale 1980: 825–827 (Pamprépius); 881–882 (Phocas 5); 1005–1006 (Severus 19); 1206 (Zosimus 5); dub.: 857–858 (Pelagius 2).

По отдельности, описанные выше эпизоды биографии Исокасия не уникальны. Равно как и многие другие представители восточноримской знати V в. Исокасий сохранил верность традиционным культам. Подобно прочим знаменитым позднеантичным преподавателям он имел большой общественный вес и активно влиял на местную и даже общеимперскую политику. Государственная карьера Исокасия является еще одним свидетельством того, что в V в. образованность оставалась мощным социальным лифтом, позволявшим заполучить видные должности, даже не имея специальных навыков и умений. Наконец, пример Исокасия служит дополнительным аргументом в пользу гипотезы о том, что в V в. язычники продолжали принимать деятельное участие в общественно-политической жизни империи. Вместе с тем Исокасий является едва ли не единственной известной нам личностью V в. биография которого вобрала в себя все вышеперечисленные эпизоды. В этом отношении его жизнь можно назвать одной из самых ярких страниц эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Александрова Т.Л. Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450). СПб.: Алетейя, 2018. 415 с. [Aleksandrova T.L. Vizantijskaya imperatrica Afinaida-Evdokiya: zhizn' i tvorchestvo v kontekste epoch pravleniya imperatora Feodosiya II (401–450). Spb.: Aletejya, 2018. 415 s.]
- Ведешкин М.А. Правовой статус язычников и языческих культов в Римской империи IV – VI вв.: законодательство и практика // Император Юлиан. Полное собрание творений. СПб.: Квадривиум, 2016. С. 749–791. [Vedeshkin M.A. Pravovoj status yazychnikov i yazycheskih kul'tov v Rimskoj imperii IV –VI vv.: zakonodatel'stvo i praktika // Imperator Yulian. Polnoe sobranie tvorenij. Spb.: Kvadrivium, 2016. S. 749–791].
- Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV – VI вв. СПб.: Алетейя, 2018а. 357 с. [Vedeshkin M.A. Yazycheskaya oppozitsiya hristianizacii Rimskoj imperii IV – VI vv. Spb.: Aletejya, 2018a. 357 s.]
- Ведешкин М.А. Социально-правовой статус врача в поздней Римской империи // История медицины. 2018b. 5.4. С. 301–307. [Vedeshkin M.A. Social'no-pravovoj status vracha v pozdnej Rimskoj imperii // Istorija mediciny. 2018b. 5.4. S. 301–307].
- Ведешкин М.А. «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в поздней Римской империи // Диалог со временем. 2019. 66. С. 348–363 [Vedeshkin M.A. «Uchitelya-dusheguby»: obrazovanie i apostasiya v pozdnej Rimskoj imperii // Dialog so vremenem. 2019. 66: 348–363].
- Глубоковский Н. Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский, его жизнь и литературная деятельность. Т. I–II. М.: Университетская типография, 1890 [Glubokovskij N. N. Blazhennyj Feodorit, episkop Kirrskij, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'. T. I–II. M.: Universitetskaya tipografiya, 1890].
- Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / под ред. М.И. Чернышева. М.: Джон Уайли энд Санз, 1994. 473 с. [Istrin V.M. Hronika Ioanna Malaly v slavyanskom perevode / pod red. M.I. Chernysheva. M.: Dzhon Uajli end Sanz, 1994. 473 s.]
- Козлов А.С. Основные направления политической оппозиции правительству Византии и её социальная база в середине 70-х гг. V в. // АДСВ. 1983. 20. С. 24–37 [Kozlov A.S. Osnovnye napravleniya politicheskoy oppozitsii pravitel'stvu Vizantii i eyo social'naya baza v sereдинe 70-h gg. V v. // ADSV. 1983. 20. S. 24–37].
- Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. СПб: Алетейя, 1997. 339 с. [Chekalova A.A. Konstantinopol' v VI veke. Vosstanie Nika. Spb: Aletejya, 1997. 339 s.]
- Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV – первая половина VII века. М.: Наука, 2010. 342 с. [Chekalova A.A. Senat i senatorskaya aristokratiya Konstantinopolya. IV – pervaya polovina VII veka. M.: Nauka, 2010. 342 c.]
- Baldwin B. Beyond the House Call: Doctors in Early Byzantine History and Politics // *Dumbarton Oaks Papers*. 1984. 38. P. 15–19.

- Bassett S.E. The Late Antique Image of Menander // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2008. 48.2. С. 201–225.
- Bradbury S. Selected Letters of Libanius: From the Age of Constantius and Julian. Glasgow: Liverpool University Press, 2003. 256 p.
- Bradbury S. Libanius' networks // *Libanius: A Critical Introduction* / ed. L. Van Hoof. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 220–240.
- Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1992. 192 p.
- Cabouret B. Libanius' Letters // *Libanius: A Critical Introduction* / ed. L. Van Hoof. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 144–159.
- Cameron A.I. The empress and the poet: paganism and politics at the court of Theodosius II // *Later Greek Literature Yale Classical Studies*. / ed. J.J. Winkler, G. Williams. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982. P. 217–286.
- Cameron A.I. *Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. 376 p.
- Cameron Av., Hall S. Eusebius. Life of Constantine: Oxford University Press, USA, 1999. 395 p.
- Constantelos D.J. Kyros Panopolites, Rebuilder of Constantinople // *GRBS*. 1971. 12. P. 451–464.
- Criore R. The school of Libanius in late antique Antioch. Princeton: U.P., 2007. 374 p.
- Csepregi I. Christian Transformation of Pagan Cult Places: The Case of Aegae, Cilicia. // *Continuity and destruction in the Greek East: the transformation of monumental space from the Hellenistic period to Late antiquity* / ed. S. Chandrasekaran, A. Kouremenos. Oxford, United Kingdom: British Archaeological Reports Ltd, 2015. P. 49–57.
- Dagron G. Vie et miracles de sainte Thècle. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1978. 456 p.
- Ducloux A. Ad ecclesiam confugere: Naissance du droit d'asile dans les églises. P.: De Boccard, 1994. 320 p.
- Gaddis M. There is no crime for those who have Christ: religious violence in the Christian Roman Empire. Berkeley: University of California Press, 2005. 396 p.
- Gleye C.E. Ein Menandervers bei Malalas. // *Byzantinische Zeitschrift*. 1896. 5. P. 336.
- Greatrex G. The Nika Riot: A Reappraisal // *The Journal of Hellenic Studies*. 1997. 117. P. 60–86.
- Harries J. The Roman Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II // *JRS*. 1988. 78. P. 148–172.
- Harries J. *Law and Empire in Late Antiquity*. Cambridge: C.U.P., 2001. 250 p.
- Holum K. Theodosian empresses: women and imperial dominion in late antiquity. Berkeley: University of California Press, 1982. 258 p.
- Honoré T. Law in the crisis of empire, 379–455 AD: the Theodosian dynasty and its quaestors with a paligenesia of laws of the dynasty. Oxford: Oxford University Press, 1998. 348 p.
- Jeffreys E. Malalas' world view // *Studies in John Malalas* / ed. E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. Leiden; Boston, MA: Brill, 2017. P. 55–66.
- Johnson S.F. *The Life and Miracles of Thekla: A Literary Study*. Washington, DC: Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2006. 320 p.
- Jones A.H.M. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic, and Administrative Survey*. Vol. I–II. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 1176 p.
- Jones C.P. *Between Pagan and Christian*. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 207 p.
- Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire*. New York: Oxford University Press, 2014. 480 p.
- Kaster R.A. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley: University of California Press, 1988. 560 p.
- Kosinski R. *The Emperor Zeno: Religion and Politics*. Cracow: Historia Iagellonica, 2010. 289 p.
- Laniado A. Some Addenda to the «Prosopography of the Later Roman Empire» (Vol. II: 395–527) // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1995. 44. 1. P. 121–128.
- Liebeschuetz. *Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire*. Oxford: Oxford University Press, 1972. 314 p.
- Liebeschuetz J.H.W.F. *East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion*. Leiden: Brill, 2015. 507 p.
- MacMullen R. *Christianity and paganism in the fourth to eighth centuries*. New Haven: Yale University Press, 1997. 282 p.

- Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume II. A.D. 395-527. Cambridge: University press, 1980. 1342 p.
- Millar F. A Greek Roman Empire: power and belief under Theodosius II (408-450). Berkeley: University of California Press, 2006. 279 p.
- Millar F. The Syriac Acts of the Second Council of Ephesus (449) // Chalcedon in Context / ed. R. Price, M. Whitby. Liverpool: Liverpool University Press, 2011. P. 45–69.
- Norton P. Episcopal Elections 250-600: Hierarchy and Popular Will in Late Antiquity. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 288 p.
- Petit P. Les étudiants de Libanius. Paris: Nouvelles éditions latines, 1957. 210 p.
- Renberg G.H. Where dreams may come: incubation sanctuaries in the Greco-Roman world. Leiden; Boston: Brill, 2016. 519 p.
- Robert L. De Cilicie à Messine et à Plymouth, avec deux inscriptions grecques errantes // Journal des Savants. 3. 1973. P. 161–211.
- Schor A.M. Theodoret's People: Social Networks and Religious Conflict in Late Roman Syria. Berkeley: University of California Press, 2011. Вып. First edition. 360 p.
- Schor A.M. The letters of Theodoret of Cyrrhus: personal collections, multi-author archives and historical interpretation // Collecting Early Christian Letters / ed. B. Neil, P. Allen. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 154–172.
- Siniosoglou N. Plato and Theodoret: The Christian Appropriation of Platonic Philosophy and the Hellenic Intellectual Resistance. Cambridge, UK; N.Y.: C.U.P., 2008. 280 p.
- Sivan H. Palestine in late antiquity. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 429 p.
- Stemberger G. Jews and Christians in the Holy Land: Palestine in the Fourth Century. Edinburgh: T. & T. Clark Ltd, 1999. 320 p.
- Ulrich J. The reception of Greek Christian apologetics in Theodoretus' Graecarum affectionum curatio // Continuity and Discontinuity in Early Christian Apologetics / ed. J. Ulrich, A.-C. Jacobsen, M. Kahlos. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2009. P. 113–130.
- Urbano A.P. The Philosophical Life: Biography and the Crafting of Intellectual Identity in Late Antiquity. Washington, D.C: The Catholic University of America Press, 2013. 376 p.
- Van Der Horst P.W. Cyrus: A Forgotten Poet // Greece & Rome. 2012. T. 59. 2. P. 193–201.
- Wagner M.M. A Chapter in Byzantine Epistolography the Letters of Theodoret of Cyrus // Dumbarton Oaks Papers. 1948. T. 4. P. 119–181.
- Watts E. Student Travel to Intellectual Centers: What Was the Attraction? // Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane / ed. L. Ellis, F. Kindler. Oxford; New York: Routledge, 2004. P. 13–24.
- Watts E. Education: Speaking, Thinking, and Socializing // The Oxford Handbook of Late Antiquity: Oxford University Press, 2012. P. 467–486.

Ведешкин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, ст.н.с., Институт всеобщей истории РАН; доцент, ИОИ РАНХиГС; Balatar@mail.ru

Isocasius the Rhetor: Late Antique Teacher and Statesman

The article discusses the biography of the late Roman pagan rhetor and statesman Isocasius. It analyzes his activities at the post of municipal rhetor of Antioch, his role in local and imperial politics. Particular attention is paid to Isocasius' possible participation of in the election of bishop Domnus. The final part of the article examines the state career of the sophist and the circumstance of his fall. The conclusion is made that the charges of "Hellenism" brought upon Isocasius were not the real reason of his resignation. The information of his «strange» participation in Christian rites, highlights one of the poorly studied forms of pagan worship, practiced after the ban of traditional rites.

Keywords: Late Antiquity, Late Roman Empire, Early Byzantium, Church History, Education, Paganism, Educational Space.

Mikhail Vedeshkin, Ph.D. in History, senior research fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor of the School of Public Policy – RANEPА; Balatar@mail.ru